

Не завязла ли Танюшка
Иль въ наперстокъ, иль въ катушку.
Но смѣшней всѣхъ Родивонъ: —
Толстый поварь, — вздумалъ онъ
Руку сунуть подъ кровать, —
Тамъ Танюшу сталъ искать.

Но завязъ; лежитъ ничкомъ,
А подушекъ всѣхъ на немъ!
Гдѣ же Таня? Рано вставъ,
Буду милую забравъ,
Захотѣлось нашей Танѣ
Погулять одной, безъ няни.
Тихо съ лѣстницы спустилась,
У забора очутилась;

Воробьевъ всѣхъ распугала
И за ними побѣжала.
Домъ остался далеко,
Воробьи же высоко
Вверхъ залетѣли и стрекочать —
Будто весело хохочутъ.
Таня дальше побѣжала;
Наконецъ она устала;
Хочетъ ѣсть; палитъ жара,
Повернуть домой пора;
Но дороги, — вотъ бѣда! —
Не найти вѣдь ей туда.

Подняла тутъ Таня крикъ
И прехъ ней явился выкрикъ, —
Будто листъ передъ травой, —
Съ шпагой самъ гороховый.
„Что кричишь?“ — „Хочу домой!“ —
„Гдѣ твой домъ? Молчи: не вой!“
Таня ничего не знала,
И въ полицію попала!
Тамъ ее нашелъ папаша,
Съ нимъ пріѣхала мамаша;
И внушили глупой Тани,
Что нельзя гулять безъ няни!

ПОПАЛСЯ ВАНЯ!

Папаша Ванѣ въ день рожденья
Ружье и коши подарилъ; —
А за прилежное ученье
Въ звѣринецъ-садъ его сводилъ.

Съ ружьемъ, въ коши, нашъ Ваня ходитъ,
Счастливый въ обществѣ звѣрей,
Отъ клѣтки въ клѣтку переходитъ,
Все больше становясь смѣлѣй.
Отецъ его остерегаетъ
Не близко къ клѣткамъ подходить, —

А Ваню такъ и подмываетъ
Звѣрюшекъ милыхъ подразнить!
Вотъ въ клѣткѣ страусъ, горделиво,
На Ваню смотритъ съ высоты;
А Ваня: „Ишь, какой спѣсивый!
Заморскимъ франтомъ смотришь ты!

А что за хвост! Вот бы было мило
 Перо такое подхватить?
 Его совсем не дурно-бы было
 На красной вени нацвистить —
 Папа немного удалился;
 Оворье в клетку онь рукой,
 За хвост красивый уцвистил
 И тянет храбро за собой.
 Но страус хват его за пальчик,
 Да острым клювом прокусил; —
 И наш отважный, дерзкий мальчик
 От боли громко завопил.

Из пальца кровь струю льется,
 А папа строго говорит:
 „Всегда в беду тот попадет,
 Кто безразсудно так шалит.
 Еще спасибо что попался
 Ты только страусу подъ-носъ:
 А если в клетку к льву пробрался
 Тогда бы головы не снесъ!
 Твоих бы криков онь не слушал,
 А волю дав своим зубамъ,
 Тебя бы онь исправно скушалъ,
 Одно вени оставилъ намъ“.

ДѢВЧКА КАЗАКЪ.

Всѣ кругомъ твердили такъ:
„Ну, ужъ дѣвочка казакъ!
Эта Паша не ребенокъ,
А какой-то бѣсененокъ!“

То на дерево взлетитъ,
На сучей верхомъ сидитъ;
Всѣ подошвы разорветъ
И сидитъ себѣ, поетъ.
То поскачетъ рысакомъ,
И кругомъ пойдетъ садомъ:
По дорогѣ все летитъ,
Хлестъ въ рукѣ ей свиститъ.
Но бѣда надъ ней стряслась:
Разъ, когда она неслась
По паркету рысакомъ,
Поскользнулась и ничкомъ
Хлопъ, и объ полъ прямо лбомъ —
И во лбу у ней проломъ.

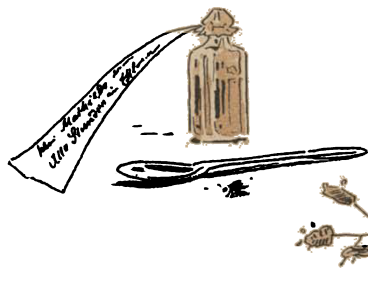

Подняла тутъ Паша вой;
 Прибѣжали всѣ толпой;
 Старый докторъ припелся
 И за Пашу принялся.

Лобъ проломанный зашылъ,
 Крѣпко пластырь наложилъ;
 Пашѣ очень больно стало,
 Она плакала, рыдала;
 Не могла она гулять,
 Ни рѣзвиться, ни играть;
 Все въ постелѣ лишь лежала,
 Да лекарство принимала;
 А лекарство, что за гадость!
 Да и что была за радость!
 Ей въ постелѣ-то лежать,
 Не рѣзвиться, не играть.
 Тутъ додумалась она:
 „Буду лучше я умна!
 Буду съ дѣтками играть,
 Никого не обижать;
 Будутъ всѣ меня любить
 И бѣсенкомъ не бранить;
 Лобъ не буду расшибать
 И лекарство не глотать“.

ОЕДЮША-ИСТРЕБИТЕЛЬ.

„Ай-ай-ай! идет рушитель!
Берегитесь вы его!
Забывая, истребитель,
Не падать онъ ничего!“
Такъ Оедюшу прославляли
И старались избѣгать;
Отъ него всѣ убѣгали,
Не хотѣли съ нимъ играть.
А Оедюша въ усь не дуетъ,
Продолжаетъ все палить;
Всюду портить и бунтуетъ,
Всѣхъ старается дразнить.
Катя съ вукошкой играетъ,
Такъ тихоконько сидитъ:
Вдругъ Оедюша налетаетъ,
Хватъ—и вука ужъ трещитъ.
Митя съ Настей садъ устроятъ
И дорожки проведутъ;
Домикъ крошечный построятъ,
Цвѣтичкова тамъ разведутъ.

Вдругъ, откуда ни возьмется
Оедя,—яростно стуча, —
Вдоль по саду пронесется,
Все ломая и топча.
Бѣдный Митя горько плачетъ,
Настя слезы льетъ рѣкой, —
А Оедюша только скачетъ,
Садикъ топчетъ подъ ногой.
Но пришелъ конецъ терпѣнью:
Всѣмъ Оедюша насолил, —
Къ одиночному садикю
Папа Оедю присудилъ.
На свободѣ всѣ гуляютъ,
Въ полѣ бѣгаютъ, поютъ;
Въ игры разные играютъ,
Изъ цвѣтовъ вѣнки плетутъ.
На задворкахъ, у сарая,
—Гдѣ лишь всякій хламъ лежитъ,—
Плача, хныкая, вѣвая,
Оедя взаперти сидитъ.
Плачь и крикъ Оедюши слыша,
Воробьи къ нему летать:
Прискакали тоже мыши,
Въ удивленіи глядятъ.

А дѣтей зовутъ сосѣди
Всѣхъ на праздникъ храмовой,
И поѣхали безъ Оеда,
Въ тарантасѣ четверней.
Какъ тамъ дѣти веселились!
Сколько видѣли чудесъ;
Какъ играли и рѣзались,
Всей гурьбой отправясь въ лѣсъ.
А когда навеселились,
Дѣтенышныя, въ гостяхъ,
То домой всѣ возвратились
Съ сверткомъ сладостей въ рукавъ.
Бѣдный Оеда ихъ встрѣчаетъ
И улыбкой, и слезой;
Ихъ цѣлуетъ и ласкаетъ, —
Точно мальчишекъ сталъ другой!
Жаль Оедюшу доброй Насти,
Раскрываетъ свертокъ свой,
И съ Оедюшею всѣ сласти
Дѣлитъ щедрою рукой.
Сколько разъ, бывало, Настю
Онъ дразнилъ и обижалъ,
И теперь ей же сласти
Отъ нея онъ получалъ!
Тронуть Оеда: общается
Не буянить, не шалить,
И со всѣми онъ желаетъ
И въ любви и въ мирѣ жить.

ЯША-ЛЪНТАЙ.

„Ну, лънтай, пора вставать!
 Что тянуться и зѣвать?
 Дѣти всѣ давно ужъ встали,
 Бодро въ школу побѣжали!“
 Будить Яшу каждый день,
 А ему вставать все лѣнь;
 Все онъ тянется, зѣваетъ,
 Вѣчно въ школу опоздаётъ;
 Да и въ школу то сидитъ
 Мало такъ, какъ будто спитъ:
 Тоже тянется, зѣваетъ,
 Никогда урокъ не знаетъ.
 Смотришь: тотъ получить пать, —
 А у Яши нуль опять.
 Спросятъ: „Сколько дважды-два?“
 Яша, сонно, буркнетъ: „два!“
 „Сколько пальцевъ на ногѣ?“
 — Да ногъ-то въ сапогѣ!

Мнѣ сапогъ теперь не снять,
 Чтобы пальцы сосчитать! —
 Хохо! мальчиговъ кругомъ;
 Это Яши ни по чемъ!
 Онъ потянется, зѣвнетъ,
 Или что-нибудь жуесть.

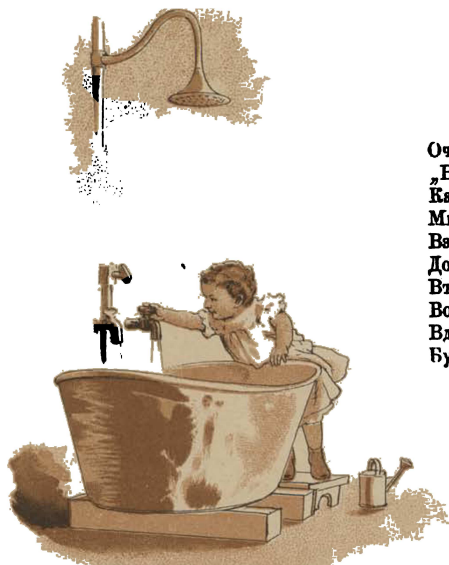

Въ школѣ съ Яшей бились-бились;
 Сколько дома съ нимъ возились,
 Какъ оселъ лѣнливъ, упрямъ, —
 Просто съ нимъ и стыдъ и срамъ!
 „Ну, наука не дается,
 Можетъ мастерство привьется!“
 Яшинъ такъ отецъ рѣшилъ,
 Къ токарю его сводилъ.
 Но и тамъ одна удача:
 Неохотно, чуть не плача,
 Яша тянется, зѣваетъ,
 Инструментъ изъ рукъ роняетъ;
 Все лишь портитъ, да теряетъ,
 Въ мастерской всѣмъ досаждаетъ;
 И оттуда, подъ-вонецъ,
 Долженъ ваять его отецъ.
 Сталъ по мастерскимъ слоняться
 Яша нашъ, но уживаться
 Онъ не могъ; и наконецъ,
 Въ пастухи его отецъ
 Отдалъ, чтобъ пасты свиной,
 Коль не можетъ, что умиль!
 Ужъ теперь пощады нѣтъ:
 Яша сталъ вставать чѣмъ свѣтъ,
 Въ поле свинокъ выгоняетъ,
 Смотритъ: солнышко выплываетъ,
 Такъ насильственно гладитъ,
 Будто Яшѣ говорить:
 „Что? учиться было лѣнь?
 Ну, теперь сиди весь день
 Не средь чистенькихъ дѣтей
 А въ кругу одиѣхъ свиной!“

КАТИНЪ ПОТОПЪ.

Очень разсыпанна Катя была; —
 „Внутренней мельницей“ няня звала
 Катю, бывало; и съ Катей не разъ
 Много чрезъ это случалось проказъ.
 Вздумалось разъ ей цѣfty поливать;
 Долго не думая—леечку хватъ,
 Въ ванну бѣжить; кранъ съ водой расерываеъ,
 Воду широкой струею пускаеъ.
 Вдругъ вспоминаеъ: „мнѣ надо играть!
 Буду потомъ я цѣfty поливать!“

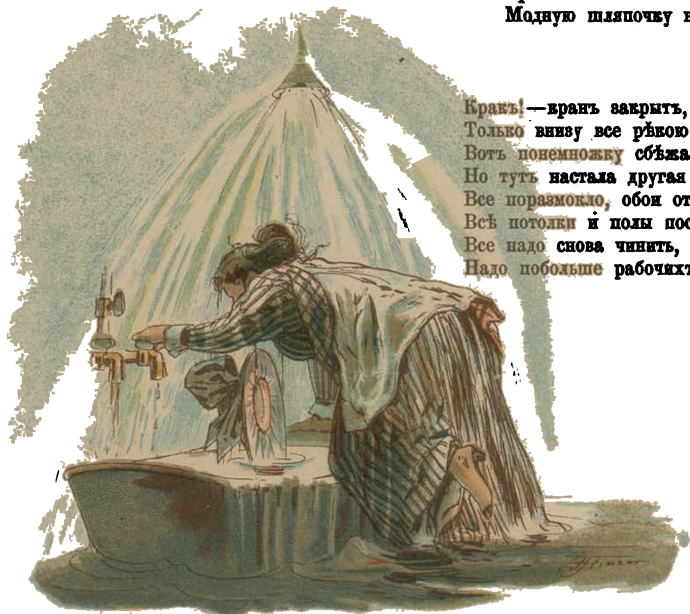

Лейку схватила, бѣжить во всю прыть,
 Кранъ же у ванны забыла закрыть.
 Мчитси къ роялю, садитси, играетъ
 И о поливѣ цѣфтовъ забываетъ.
 Межъ тѣмъ изъ крана, вода во всю ночь
 Ванну наполняеъ, бѣжить уже прочь;
 Вотъ на полу ужъ болото стояеъ, —
 Тикъ-тикъ—вода въ щели пола бѣжитъ.
 Въ спальнѣ подъ ванной старушка жила,
 Въ теплои постелькѣ, бѣдняжка, спала, —
 Мошкы лежалъ у кровати въ ногахъ,
 Котъ прижился у ней въ головахъ.

Вдруг: капъ-капъ-капъ! „Что за чудо? мой Богъ!
 Какъ это дождикъ попасть сюда могъ“!
 Зонтикъ хватаетъ старушка скорѣй;
 Смотритъ, вода прибываетъ сильнѣй.
 Стало ужъ мокро; Моисъ съ лаемъ метался,
 Вотъ же, хитрецъ, на скамейку забрался;

„Купошь спасайте! бѣгите скорѣй!“
 Фрейленъ Эмиля бросается въ ней.
 „Ахъ, мейнъ Готъ!“ гувернантка вопить:
 „Это откуда вода такъ бѣжитъ?
 Вѣрно опять въ, Катринхенъ, шалили,
 Воду изъ крана сюда напустили“?
 Бросилась къ ваннѣ, въ водѣ утопая,
 Модную шляпочку въ ваннѣ купая, —

Кранъ! — кранъ закрыть, ужъ вода не бѣжитъ,
 Только вину все рѣвою шумитъ.
 Вотъ понемножку сбѣжала вода,
 Но тутъ настала другая бѣда:
 Все поразмокло, обои отстали,
 Всѣ потолки и полы пострадали;
 Все надо снова чинить, поправлять,
 Надо побольше рабочихъ призвать.

Скоро ужъ вотъ и на столѣкъ вскочилъ;
 Моисъ испуганный громко завылъ.
 Льется вода все сильнѣй да сильнѣй,
 Вотъ ужъ кругомъ все заплывало въ ней.
 Дверь открыла и льется рѣвой,
 Все по дорогѣ неся за собой:

Тутъ и кухарка старушка явилась,
 Тоже за баринню громко бранилась.
 Счетъ просмотрѣвши, папама рѣшить:
 Цѣлый годъ Ката похъ штрафомъ сидитъ;
 Нѣтъ ей обновокъ, нѣтъ элки, гулянья, —
 Такъ за вину всѣ несутъ наказанья!

Купки, тетради, линейку, горшокъ;
 Въ кухнѣ готовый изъ ухъ судачекъ
 Окилъ въ водѣ; удивленно глядитъ, —
 Какъ онъ опять въ рѣчкѣ быстрой сидитъ.
 Шумъ услышавши, Катюша бѣжитъ,
 Купошь въ водѣ увидавши, кричитъ: